References

1. Litvinenko I.L. Sistema upravleniya regional'nym razvitiem na osnove innovacionno-investicionnoj modeli: monografiya. M.: RIOR: INFRA-M, 2017. 204 p.
2. Dukanova I.V., Morozova T.N, Sukovatova O.P., Terekhin V.I., CHernobrodova L.A. Effektivnost' upravleniya social'no-ekonomicheskim razvitiem administrativno-territorial'nyh obrazovanij: mono-grafiya / pod red. d-ra ekon. nauk, prof. V.I. Terekhina. M.: INFRA-M, 2018. 315 p.
3. YArasheva A.V. Regional'nyj trudovoj potencial: faktory razvitiya // Aktual'nye social'no-ekonomicheskie voprosy: problemy i varianty reshenij. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. P. 94-98.
4. Vlasova T.A., Timohina O.A. Issledovanie faktorov rosta effektivnosti ispol'zovaniya trudovogo potenciala kak osnovy regional'nogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya // Rossijskaya ekonomika: vzglyad v budushchee. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 3 chastyah. 2018. P. 73–80.
5. SHevyakin A.S. Analiz formirovaniya trudovogo potenciala v usloviyah razvitiya rynka truda regional'noj ekonomiki // Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. №7. 2018. P. 192 – 198.
6. Sekacheva T.V., Krapchetova N.G. Problemy razvitiya trudovogo potenciala na regional'nom urovne // Regional'naya ekonomika, investicii, innovacii, social'no-ekonomicheskoe razvitie: teoriya, metodologiya i koncepciya modernizacii. Materialy II Vseros. nauchno-prakt. konf. Sebryakovskij filial FGBOU VO «Volgogradskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet»; administraciya gorodskogo okruga gorod Mihajlovka Volgogradskoj oblasti. 2019. P. 306 – 309.
7. Eskiev M.A. Rol' i znachenie trudovogo potenciala v social'no-ekonomicheskom razvitii regiona // Finansovaya ekonomika. 2019. № 5. P. 853 – 855.
8. Reutov V.E., Kravchenko L.A., Vel'gosh N.Z. Social'no-ekonomicheskie problemy razvitiya chelovecheskogo potenciala Rossii i eyo regionov // Servis v Rossii i za rubezhom. T. 13. №2 (84). 2019. P. 69 – 82.
9. Ivanov S.A. Upravlenie trudovym potencialom regiona v kontekste innovacionnogo razvitiya eko-nomiki // Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki rossijskoj akademii estestvennyh nauk. № 1. 2017. P. 5 – 14.
10. Kondrat'eva M.N., Rogova T.N., Balandina E.V. Sravnitel'naya ocenka i opredelenie ekonomicheskogo potenciala regiona // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. T. 15. № 2 (437). 2017. P. 266–281.
11. Lagutin I.B. Regional'noe finansovoe pravo: monografiya. M.: YUsticinform, 2018. 260 p.
12. Petrova S.V., Bagdasaryan S.D. Geopolitika i geoekonomika turizma: vliyanie social'no-ekonomiche-skih i politicheskih faktorov na izmenenie turpotokov v Krasnodarskom krae // Olimpijskoe nasledie i krupnomasshtabnye meropriyatiya: vliyanie na ekonomiku, ekologiyu i sociokul'turnuyu sferu prinimayushchih destinacij. Materialy H Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. P. 207 – 211.

УДК 352 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-70-75

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ТУРЦИИ)*

Шаповалова Анна Михайловна кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: annasfedu@gmail.com

Аннотация

Рассмотрены периоды формирования местного самоуправления в России и Турции, организация местного самоуправления на приграничных территориях на всем протяжении формирования государств, роль местного самоуправления в укреплении государственной целостности.

Ключевые слова: *местное самоуправление, приграничные территории, история развития, Россия, Турция, Евразийский регион, государственная власть, центральная власть, советы старейшин.*

На протяжении всей истории формирования государств, рано или поздно приходили к идее развития системы местного самоуправления, которая сочетает в себе с одной стороны, реализацию государственной власти, а с другой стороны, решение необходимых вопросов в интересах местного сообщества, поэтому местное самоуправление приобретает формы как государственного, так и общественного института. Органы местного самоуправления являются наиболее приближенными к населению властью и наиболее полно и эффективно могут использовать ресурсы территории для удовлетворения основных жизненных потребностей населения, и поэтому действуют в непосредственной связи с ним. С помощью органов местного самоуправления государственная власть становиться более гибкой и эффективной, что придает ей уверенности.

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

Особое внимание всегда уделялось организации и осуществлению местного самоуправления на приграничных территориях. Это связано и с процессами глобализации и активным развитием регионального сотрудничества между странами. Органы местного самоуправления, находящиеся в приграничных территориях, всегда обладают особым статусом при осуществлении своих функций и должны соблюдать особые требования при их реализации. Местное самоуправление направленно не только на улучшение качества жизни граждан, но также способствует укреплению государственной целостности.

Рассматривая организацию местного самоуправления и управления в России и Турции, можно проследить эволюцию местного самоуправления на всем протяжении истории стран.

В древнерусских землях верховную власть наряду с князем осуществляли «боярская дума», которая была постоянным советом при князе, решавшим высшие земские вопросы – в пригородах ее аналогом были советы старейшин; и вечевые собрания. Поскольку князь распространял свою власть на всю территорию княжества, она была государственной, местная же власть осуществлялась общинным органом – городским вече, которое являлось всенародным собранием, в котором принимали участие все свободные граждане, живущие в городе. Вече обладало обширными правами, компетенция которого простиралось на всю сферу высших государственных дел управления и суда, решало вопросы войны и мира, изгнания и признания князя, мобилизации народного ополчения, распоряжалось государственными финансами и земельными фондами, народ обладал правом участия в заключении международных договоров, а также за вече было закреплено право определять лиц, которые войдут в княжеский административно-судебный аппарат и которые займут высшие церковные должности в данной волости.

Таким образом, в Киевской Руси центральная власть не была единоличной, могущество князя ограничивала боярская дума и вече. А главную форму территориального общинного самоуправления в Древней Руси можно определить, как «вечевая демократия». Далее, со времен Ивана Грозного, Россия характеризовалась жесткой системой централизованного государственного управления, основанная на царской власти. В период «кормления» (до середины XVI в.) все земли были разделены на белые, которые относились к княжескому двору и черные, где могло устанавливаться местное самоуправление, руководством которыми занимались наместники и волостели как представители верховной власти на местах.

В середине XVI в. особенно развивается местное самоуправление, происходит замена наместников и волостелей, назначаемых центральной властью, специальными органами самоуправления, т.е. выборными губными и земскими учреждениями. В начале XVII в., происходит переход к бюрократическому местному управлению – приказно-воеводскому. Воевода осуществлял свою деятельность, опираясь на приказную избу, и являлся уже государственным служащим, назначаемый центральной властью для осуществления контроля за губными и земскими учреждениями, без вмешательства в сферу их юрисдикции, получая за это специальное жалованье, а не кормился за счет сборов с управляемой территории.

Дальнейшие попытки реформирования системы местного самоуправления приходятся на период царствования Петра I. 18 декабря 1708 г. Указом «Об учреждении губерний и о росписи к ним городов» царь изменил всю административно-территориальную структуру Российского государства. Страна разделялась на 8 крупных губерний, возглавляемые с 1710 г. губернаторами, которые обладали всей полнотой административной, судебной и военной власти, затем число губерний росло. Позже, губернии делились на провинции, управляемые воеводами, в руках которых сосредотачивались все функции управления, провинции – на дистрикты, которыми управляли с 1714 г. земские комиссары, занимающиеся сбором подушной подати.

Но первой реформой было учреждение в 1699 г. нового органа местного самоуправления - бурмистрской палаты (ратуша) – центрального финансового органа на основе выборности, а в прочих городах – земских изб и выбранных бурмистров, занимающихся судейскими вопросами, сбором податей и доходов с торгово-промышленных людей. Однако после смерти Петра I стала вновь использоваться система назначения чиновников, в 1727 г. магистраты были упразднены, все управленческие дела сосредоточились в руках губернаторов и воевод.

Коренная реформа в области местного самоуправления, именуемая губернской, была начата в 1775 г. при Екатерине II в. Она упразднила провинции и должности воевод, увеличила в два раза количество губерний, каждая губерния делилась на уезды. Губернию возглавлял губернатор, губернское правление являлось высшим учреждением губернии по административным вопросам, казенная палата- по финансовым делам, а приказ общественного презрения – занимался школами и больницами. Надзор за законностью в губернии осуществлял губернский прокурор и два советника. Во главе уездной администрации стоял земский исправник и нижний земский суд. Появились губернские и уездные дворянские собрания.

Важнейшим документом в области местного самоуправления XVIII в. является «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 1785 г. В Жалованной грамоте городам впервые вводилось понятие «градского общества». Екатерина Великая привнесла упорядоченность в систему городского самоуправления, однако вся система управления строилась по сословному принципу и функционировала под жестким контролем государственных чиновников.

В 1870 г. сделан прогрессивный шаг в развитии местного самоуправления в России – введено новое Городовое положение, которое предоставляло общественному управлению широкую самостоятельность в ведении городских дел и местных проблем.

В 1892 г. произошла земская и городовая контрреформа, которая привела к подавлению инициативности и самостоятельности местного самоуправления.

Новая попытка реформирования местного самоуправления была предпринята после Февральской революции 1917 г. Органы земского и городского самоуправления были заменены системой советов. В середине 30-х годов съезды Советов были упразднены. В последствие местные органы власти стали именоваться Советами народных депутатов. Однако «местные Советы так и не обрели качеств органов, самостоятельно решающих вопросы местного значения, а реальная власть в этот период находилась в руках партийного аппарата, волю которого и выполняли Советы».

Первым шагом внедрения нового взгляда на местное управление стало принятие Закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», впервые вводившее понятие этого института. Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР», направленный на обеспечение прав граждан самостоятельно решать вопросы местного самоуправления.

На основе Конституции, принятой в 1993 году, был принят Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определивший новые правила организации управления на местах в России и давший толчок для присоединения к ряду международных актов. С принятием в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» произошло качественное изменение порядка организации и осуществления местного самоуправления.

Организация местного самоуправления в Османской империи тесно связана с военно-феодальными принципами турецкой государственности. Местные начальники, которые назначались султаном, были одновременно воинскими командирами территориального ополчения, а также финансовыми главноуправляющими [1, с. 252].

Несмотря на всемогущество султана, его сдерживали законы шариата, коранический закон, да и просто исламская этика, пойти против устоев которых он не мог, а также делегирование его полномочий непосредственно представителям на местах, которые на практике все же обладали некоторой самостоятельностью, а также тот факт, что все поданные султана обладали равными правами между собой и карьерное продвижение зависело только от их заслуг, хотя история Османской империи и свидетельствует о существовании крупных семей и династий, все же ислам не знает разделения по принципу социального положения, как это было, например, в Древнем Риме, где общество классово делилось на патрициев и плебеев.

История Турции берет свое начало с XI в., когда в Малую Азию стали проникать племена тюрков или, по-другому, огузов, которые создали раннефеодальное государство, во главе которого стоял «джабгу». Огузское государство делилось на племена, во главе с беем, а те в свою очередь на уруки (родовые подразделения – семейные кланы) и аймаки, которых было 12. Племена были объединены в крупные племенные союзы, которые назывались «иль», что означает страна. Правители имели соправителей и советников- заместителей (кюль еркин). В связи с тем, что государство огузов опиралось на военную демократию, важнейшими фигурами были военачальники, носившие титул «сюбаши», они вмешивались во все политические события. Власть верховного правителя ограничивалась народным собранием, собиравшееся один раз в год, на котором правом «вето» обладали рядовые члены огузского общества, а потом советом военно-племенной аристократии-знати, который назывался «канкаш». С развитием огузского общества верховная власть стала принадлежать великому и малому курултаям, которые обозначали народовластие тюрков, но нюанс заключается в том, что на курултае сильные позиции имела лишь знать, которая и влияла на принятие решений.

Огузское государство перестало существовать в XI веке, его вытеснил Сельджукский султанат [2, с. 273]. Центральная администрация имела зеркальное отражение в провинциальных структурах, с разделением обязанностей на гражданские и военные.

Но постепенной децентрализации власти способствовал тот факт, что султан, объявив землю государственной собственностью, стал широко раздавать в икта (пожалования) военным, представителям гражданской бюрократии и членам правящей династии государственные и коронные земли взамен жалованья. Сначала это давало возможность султану удерживать власть и ставило держателей икта – мукта в зависимость от султана, который был верховным собственником всего

земельного фонда империи, но в конце XI века, когда завершились завоевания, приносившие знати новые земельные владения, это привело к экономической и политической мощи феодалов- тюркских эмиров, которые становились пожизненными и даже наследственными земельными собственниками.

Влияние на государственный аппарат имело военное сословие, которое привело к ослаблению верховной власти султана и наряду с представителями местного населения – тазиками, вакантные гражданские должности занимала в основном тюркская знать, а племенная монархия султана вовсе походила на организацию оседлого раннего государства: меджлис, представляющий собой собрания военной знати и исполняющий общеполитическую функцию, появились капу - административные канцелярии. В XII в. происходит процесс феодальной раздробленности, Сельджукская держава распадается на ряд феодальных владений и государств: атабекство, эмираты, в которых правили военачальники, а сама действующая система деления на уделы способствовала усилению крупных военачальников в экономическом и политическом смысле.

В конце XIII в. ослабленный Сельджукский султанат распался на 10 (по другим данным, на 16) независимых княжеств – государственных образований (бейликов, или эмиратов), которые были фактически независимы [3].

Процесс становления новых политических объединений обозначился в пограничных областях – удж, передававшиеся по наследству и которые предоставлялись главам отдельных кочевых и полукочевых племен, властители в которых могли кочевать вместе с племенем, собирать дань с подвластного оседлого населения, а также расширять свои владения за счет соседних государств. Жители уджа были вооружены, так их жизнь представляла каждодневные опасения стычек с соседями, набегов с целью захвата новых земель. Племена, жившие на границах, вели определенный военно-кочевой быт с распределением обязанностей, часть кочевников пасла скот, другие занимались хозяйством, третьи несли воинскую службу и т.д.

Османский бейлик породил Великую Османскую империю. На первых порах управление бейликом было примитивным, например, отсутствовало налогообложение. На совете племенной знати утверждались беи, которые выступали в роли военачальников и организовывали военное дело (джихад или газават) против неверных. Беев поддерживали его многочисленные родные, которых они после побед над неверными назначали правителями захваченных земельных наделов, городов, крепостей.

С XIV в. происходит расширение Османского государства, способствующее усложнению системы его управления, а именно разграничению провинций и назначении там наместников, которых утверждала власть из центра. Вместо существовавших уделов начало вводиться административно-территориальное деление завоеванных земель. Территория Османской империи делилась на провинции, или наместничества – бейлербейлик (эялеты с XVI в., их насчитывалось 21), которые являлись самой крупной административно-территориальной единицей. Их возглавлял бейлербей (губернатор), назначаемый султаном, который носил титул паши и обладал полным верховенством на своей территории, сосредотачивал в своих руках полнотой административной и военной власти в провинции, включая назначение должностных лиц и распределение земельных наделов. Каждый бейлербей имел свой двор, канцелярию и диван. Каждый эялет делился на уезды, называемые санджаками, которые считались основной административно-территориальной единицей Османской империи (их количество было доведено с 50 до 250), во главе которых стояли санджак-беи, которые были в подчинении бейлербея, но в пределах своей территории имели те же права, что и бейлербеи в своих провинциях. Они имели в качестве помощников – дефтердаров- финансовых агентов, находящихся в подчинении центру.

Главным представителем гражданской администрации в провинции являлся кадий, который ведал всеми гражданскими и судебными делами в подведомственном ему округе, называвшемся «каза» [4, с. 334]. Каза (кадилик) является более мелкой административно-территориальной единицей в санджаке. Таким образом, границы казы обычно совпадали с границей санджака, и поэтому действия кадий и санджак-беев должны быть согласованными. Но кадии, в отличии от санджак-беев, назначались по султанскому указу и подчинялись непосредственно Стамбулу, то есть султану, что говорит о независимости судебной системы от административного контроля местных властей.

Но необходимо отметить, что части империи были весьма неоднородны, что и обуславливает разные системы управления. Например, горным областям, населенными кочевниками, Высокая Порта (правительство-канцелярия великого визиря и дивана Османской империи) давала значительную автономию вождям таких племен во внутреннем управлении, иными словами предоставляла местную власть – хюкюмет.

Существовали также политические образования со специфическими особенностями, имевшие абсолютную автономию в своих делах и пользовавшиеся покровительством султана, но ежегодно

должны были платить - харадж, преподносить товары (зерно, такани) в качестве дара – пешкеш, и при необходимости участвовать в военных делах [5, с. 82 – 86].

Провинциальные правители поначалу были только назначенцами центральной власти, которых могли уволить за совершенные несправедливости, а лишаясь своего поста, лишались и земельных владений, но со временем их самостоятельность значительно окрепла. Они стали самостоятельными пашами, наделяясь султаном особыми полномочиями. Но в общих чертах государственно-политическое устройство государства османов сохранялось таким, каким оно образовалось в XVI в.

Необходимо отметить, что самые первые выборы в Османской империи состоялись в 1840 году, когда избирали депутатов местных советов, обязанных осуществлять самоуправление и контроль за общественным порядком в вилаетах. Первая Конституция 1876 г. еще больше расширила прерогативы султана, выборы депутатов были отменены, а положения, посвящённые местному управлению, так и не были закреплены. Но это сделала временная Конституция 1921 г., впервые провозгласившая главой исполнительной власти не султана, а выборное Национальное собрание Турции. Отныне Турция делилась на вилайеты (губернии), каза (уезды) и нахие (волости). Прежние санджаки, представлявшие собой среднее звено между вилайетами и каза, были упразднены.

После окончания национально-освободительной борьбы против иноземных захватчиков и провозглашения Турецкой Республики временная конституция 1921 г., уже не отвечала социально-экономическим и политическим требованиям, которые выдвигала турецкая буржуазия [6, с. 26 – 27]. В период подготовки проекта новой конституции местное управление сохранилось на принципах закона «О Специальных административных провинциях» 1913 г.

Конституция 1961 г. лишь упоминает о том, что провинциальная администрация «создается на принципах самоуправления» (ст. 115), «выборы местных административных органов будут производиться в соответствии с законом» (ст. 116). Последняя Конституция 1982 г. положила собой новый и современный этап реформирования системы местного управления, закрепив, наконец, понятие местного самоуправления и порядок формирования их органов.

Рассматривая эволюцию организации местного самоуправления таких двух стран Евразийского региона, как Россия и Турция, можно прийти к выводу, что самоуправление в России существовало на всем протяжении ее истории, равно как и в Турции попытки самостоятельного управления на местах были со времен образования собственно Турции. Местное самоуправление в истории России обладало значительным потенциалом развития, но не было реализовано ввиду отсутствия свободы действия и контроля государства. Что касается местного самоуправления Турции, то говорить, было ли оно тем муниципальным управлением, которое мы понимаем в его классическом значении, наверно, нельзя, тем более что там также существовал постоянный контроль верховной власти [8]. Да и само управление на местах зачастую сводилось лишь к управлению в военной сфере, что обуславливается военными чертами турецкой государственности.

На протяжении всего развития местного самоуправления в странах всегда придавался особый статус органам местного управления на приграничных территориях. Несмотря на разный путь развития государств органы местного управления на приграничных территориях всегда имели особые условия в принятии решении преследуя определенные экономические, политические и военные цели государства [9].

Литература

1. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права: Учебник в 2 т. Издание третье, исправленное. Т. 1. М., 2000. 528 с.
2. История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в средние века. М.: Вост. лит., 2002. гл. III.
3. История стран зарубежной Азии в Средние века / Под ред. А. М. Голдобина. М.: Наука, 1970. 640 с.
4. Всемирная история в 10 томах. Том 4. / Под ред. А. Белявского, Л. Лазаревича, А. Монгайта. М. Издательство социально-экономической литературы. 1958.
5. *Хитцель Ф.* Османская империя. М.: Вече, 2006. 384 с.
6. *Георгиян Э.А.* Турецкая Республика, основные институты государственного строя. М.: Наука. 1975. 220 с.
7. *Шаповалова А.М.* Местное самоуправление: ресурс самоорганизации гражданского общества в России. Автореф. дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
8. *Сериков А.В., Венцель С.В.* Современные геополитические перспективы Турции в Европейском союзе // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 1. С. 12 – 24.
9. Черноморско-Каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции. Ростов-на-Дону, 2015. 214 с.

***Shapovalova Anna Mikhaelovna*,** Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional studies of Southern Federal University (160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: annasfedu@gmail.com

EVOLUTION OF LOCAL GOVERNMENT ORGANIZATION IN BORDER AREAS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND TURKEY)

Abstract

The article describes periods of formation of local self-government in Russia and Turkey, organization of local self-government in border territories throughout the formation of states, role of local self-government in strengthening state integrity are considered.

Keywords*: local self-government, border territories, development history, Russia, Turkey, Eurasian region, state power, central power, Councils of Elders.*

References

1. Omel'chenko O.A. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava: Uchebnik v 2 t. Izdanie tret'e, ispravlennoe. T. 1. M., 2000. 528 p.
2. Istoriya Vostoka. V 6 t. T. 2. Vostok v srednie veka. M.: Vost. lit., 2002. gl. III.
3. Istoriya stran zarubezhnoj Azii v Srednie veka / Pod red. A. M. Goldobina. M.: Nauka, 1970. 640 p.
4. Vsemirnaya istoriya v 10 tomah. Tom 4. / Pod red. A. Belyavskogo, L. Lazarevicha, A. Mongajta. M. Iz-datel'stvo social'no-ekonomicheskoj literatury. 1958.
5. Hitcel' F. Osmanskaya imperiya. M.: Veche, 2006. 384 p.
6. Georgiyan E.A. Tureckaya Respublika, osnovnye instituty gosudarstvennogo stroya. M.: Nauka. 1975. 220 p.
7. SHapovalova A.M. Mestnoe samoupravlenie: resurs samoorganizacii grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Avtoref. dis. … kand. sociol. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
8. Serikov A.V., Vencel' S.V. Sovremennye geopoliticheskie perspektivy Turcii v Evropejskom soyuze // Caucasian Science Bridge. 2018. T. 1. № 1. P. 12 – 24.
9. CHernomorsko-Kaspijskij region: vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii v usloviyah geopolitich-eskoj, georeligioznoj i geoekonomicheskoj konkurencii. Rostov-na-Donu, 2015. 214 p.